

Согласно показаниям охранников, они рассчитывали, что внутренняя сила Чан Сяохана будет подорвана ядовитыми испарениями красного винограда, а Хэ Жао заранее подслала убийцу с горы Фуху, чтобы атаковать его дважды. Неужели она боялась, что они не справятся?

Но капитуляции не произошло.

В тот день, как только отряд достиг Фуху, охранники под предлогом набора воды оставили Чан Сяохана и Чан Сяоцю одних. Сделав вид, что идут к ручью, они тайно вернулись по тропе, ожидая увидеть два трупа. Вместо этого перед ними предстала картина: Чан Сяохан, окровавленный, тащил на себе раненого Чан Сяоцю вниз по склону и одним ударом меча отправил на тот свет трёх последних бандитов.

Головы взлетели в воздух, окутанные кровавым туманом, а у охранников подкосились ноги от ужаса. Только тогда они осознали: яд не подействовал. К счастью, Чан Сяохан, похоже, не заподозрил предательства и приказал всем собираться в путь. Охранники воспользовались этим, чтобы замести следы, и планировали довершить начатое позже.

Они продолжали подмешивать яд в лекарство для Чан Сяоцю, рассчитывая, что тот умрёт накануне прибытия в Деревню Белого Лотоса. Отравить Чан Сяохана не было никакой возможности, из-за ночёвок в лесу, а в открытую схватку идти не решались. План был — выждать. Но они не ожидали, что Лю Сяньань раскроет их замысел. Увидев, что правда вот-вот всплывёт, они решили пойти на риск.

— Значит, о ситуации на Фуху они ничего не знают. — Лян Шу взял у охранника влажную салфетку и, опустив взгляд, медленно вытер ладони. — Теперь они бесполезны. Разберитесь с ними. Что касается госпожи Хэ из секты «Ваньли»... если у неё была одна жемчужина, могут найтись и другие ценности. Не упустите её.

Гао Линь кивнул и осторожно спросил:

— Эти жемчужины действительно редки. Как полагает принц, могут ли они быть связаны с нераскрытым делом прошлой династии?

— Именно поэтому велел следить. — Лян Шу потёр уставшую шею. — Отдыхайте. Завтра выдвигаемся на рассвете.

Гао Линь махнул пятерым охранникам, и те потащили вопящих предателей в глубь леса. Вспыхнули холодные блики клинков — и через мгновение воцарилась тишина.

Единственный выживший, уже без сознания, был привязан к лошади и отправлен в «Ваньли» как живое доказательство.

А-Нин молча закутался в одеяло. Хотя в Деревне Белого Лотоса он привык к смерти, уход из

жизни от болезни и убийство — не одно и то же. Лю Сяньань же, как всегда, оставался безучастным. То ли равнодушным к кровавым сценам, то ли просто витал в духовных сферах.

Так прошла ночь. На следующее утро охрана зашевелилась, собираясь в путь. Лю Сяньань зевнул, потянулся и, едва приоткрыв глаза, «доплыл» до кареты, словно тень.

Спать у костра в лесу было некомфортно, поэтому сейчас он едва стоял на ногах. Подняв занавеску, он машинально направился в свой угол, но вместо мягкой подушки угодил в твёрдые объятия его светлости.

— Тсс! — Лю Сяньань вскочил, ударившись головой о потолок. Звон в ушах усилил головокружение.

А-Нин закатил глаза. Почему принц вечно тут? Если ему так нравятся кареты, почему генерал Гао не приготовил отдельную? Повозка молодого господина и так тесная, а его светлость ещё и высокий — разве не неудобно?

На следующей стоянке А-Нин набрался смелости и предложил Гао Линю купить просторную карету для принца или пони для господина.

Гао Линь всё понимал, но мог лишь виновато отмахиваться. Он молился, чтобы его светлость поскорее нашёл новое развлечение и перестал без причины донимать второго молодого господина Лю.

Лю Сяньань сидел в углу, потирая ушибленную голову. Он так и не понял, зачем принц здесь. Его подушки были реквизированы, а расшитое серебром саше, теперь покачивалось в такт колёсам, на пальцах Лян Шу.

«.....»

— Утром разболелась голова, вот и решил отдохнуть здесь. Надеюсь, не помешал? — сказал Лян Шу.

— Нет. — Лю Сяньань покачал головой. — В саше — успокаивающие травы. Если принц не против, может носить его с собой. Помогает уснуть.

— Тогда не буду церемониться. — Лян Шу с достоинством убрал саше в рукав, но уходить не собирался, словно застрял здесь намертво.

Выгнать его, конечно, было нельзя. Лежать же в оставшемся пространстве Лю Сяньань мог лишь согнувшись, что через пару часов вызвало ломоту во всём теле. На следующей остановке ему пришлось долго разминаться.

Гао Линь, наблюдая за этим, понял: принц сегодня в хорошем настроении. Если после похищения кареты он сияет, как весеннее солнце, то что будет, если он, скажем, дёрнет кого-то за волосы?

При этой мысли Гао Линь скривился. Лучше не спрашивать.

Так Лян Шу продолжил комфортно разъезжать в карете. Лю Сяньань не возражал, но раз уж они оказались в замкнутом пространстве, решил снова завести разговор о сестре. Однако Лян Шу, будто читая его мысли, каждый раз закрывал глаза и изображал «бессмертного, погружённого в медитацию».

Пока А-Нин не купил лошадь в следующем городке, у второго молодого господина Лю так и не представилось случая высказаться.

— Ваша светлость, — однажды Гао Линь зашёл в карету. — Через три дня будем на Фуху. Всё готово, но после того, как Чан Сяохан перебил бандитов, неизвестно, осмелятся ли они снова показаться.

— Люди гибнут за богатство, — ответил Лян Шу. — Если мы везём выкуп, они не упустят шанс.

— А второй молодой господин Лю? Оставить его в городе у подножия?

— Нет. Возьмём с собой.

Гао Линь: «.....»

Но зачем?

Он взглянул в окно. Лю Сяньань неуверенно сидел на кобыле, едва справляясь даже с ровной дорогой. На горных тропах ему явно было не место. Значит, принц тащил его в горы с одной целью — позлить и напугать.

Эх, до чего же люди бывают вредными...

В таком составе они и добрались до Фуху.

Перед входом в горы принц оставил большую часть отряда с А-Нинем в деревне, дабы «не привлекать лишнего внимания». С ним остались лишь Гао Линь, несколько охранников с выкупом и второй молодой господин Лю — «на случай, если заложнику понадобится врач».

Ну и, конечно, кучер. Тот сейчас вёл карету по горной дороге, внутри которой восседал его

великолепная и ленивая светлость.

Гао Линь: «.....»

Он пристроился рядом с Лю Сяньанем, чтобы тот ненароком не свалился с обрыва.

За эти дни навыки верховой езды Лю Сяньаня улучшились, но горная тропа сужалась, становясь всё опаснее. Кобыла осторожно переставляла копыта, и, к счастью, не брыкалась в самый неподходящий момент.

Вся гора была залита золотистым солнечным светом. Подняв голову, можно было увидеть зелено-голубые тени облаков, а вокруг царила величественная тишина.

Лю Сяньань редко покидал дом, поэтому такой грандиозный пейзаж видел впервые. Но в данный момент у него не было настроения наслаждаться природой — он был измотан жарой и усталостью. Его спина согнулась, ноги подкашивались, и он едва не рухнул на спину лошади.

Гао Линь снова заглянул в карету:

— Ваша светлость, я думаю, Лю...

— Они пришли, — прервал его Лян Шу.

Гао Линь откинул занавеску и увидел на скале десятки тёмных фигур. Бандиты тоже разглядывали подножие горы. Как и говорил Лян Шу — люди гибнут за богатство. После потерь от рук Чан Сяохана они были настроже, но не смогли устоять перед щедрым выкупом.

Долго наблюдая, они увидели, что молодой господин едва держится в седле, его полураспущенные волосы развеваются на ветру, закрывая лицо. Успокоившись, главарь махнул рукой — ворота открылись, бандиты обнажили мечи.

Добравшись до вершины, Лю Сяньань, тяжело дыша, слез с лошади. Колени его дрожали, и, если бы не Гао Линь, он бы рухнул на землю.

Бандиты восприняли это как страх. Смеясь, они подошли, кончиками мечей сдернули ткань с повозки и замерли при виде ящиков с золотом. Глаза их загорелись жадностью.

— Где моя сестра? — спросил Гао Линь.

— Не волнуйся, у нас её полюбили... — Главарь внезапно замолчал.

Лю Сяньань поднял голову. Его бледное лицо, лишённое румянца, шея блее снега и кожа подобная драгоценному нефриту сияли в солнечных лучах. Просторные рукава развевались, словно у статуи божества.

Главарь остолбенел. За всю жизнь он не видел столь прекрасного облика. В душе боролись похоть и необъяснимый трепет. Он поднял ножны, чтобы приподнять подбородок Лю Сяньаня, но в тот же миг что-то холодное коснулось его плеча — и следующее, что он увидел, была собственная рука, летящая в сторону.

Лю Сяньань нахмурившись отступил, но не успел увернуться — его одежду забрызгала алая кровь.

Бандиты очнулись от шока, но никто не видел, кто нанёс удар. В мгновение ока заместитель главаря лишился руки.

Крики и лязг оружия нарушили горную тишину. Стало ясно — гости пришли не с миром. Бандиты бросились в атаку, но не успели сделать и двух шагов, как невидимая сила отбросила их назад. Они падали, как подстреленные вороны, харкая кровью.

Сквозь песок и боль они увидели, как из кареты выходит человек в чёрных одеждах с золотой вышивкой. Его сапоги ступали по траве, затем по кровавым лужам, пока не остановились перед ними.

Небо слепило, трава была покрыта красной дымкой. В сердцах бандитов царил ужас: сначала явился белый бессмертный, затем чёрный демон... Реальность смешалась с кошмаром.

Лян Шу прошёл сквозь кровь и направился в деревню. Гао Линь и Лю Сяньань последовали за ним. Повсюду валялись брёвна, стояли недостроенные дома. Увидев Лян Шу, рабочие в ужасе разбежались.

Гао Линь не удивился их реакции — даже пустынные волки обходили принца стороной. Больше его поразило хладнокровие Лю Сяньаня. Тот, казалось, наблюдал за происходящим словно со стороны, без эмоций.

«Люди из Деревни Белого Лотоса... не так просты», — подумал Гао Линь.

Вскоре они увидели новое здание с табличкой «Зал Справедливости» — логово разбойников. Гао Линь пнул дверь. Внутри бандиты, обсуждавшие добычу, вскочили со своих мест.

— Где моя сестра?

Кровь на одежде Лю Сяньаня говорила сама за себя. Бандиты сжали рукояти мечей, но не решались напасть.

На кресле, покрытом тигровой шкурой, сидел Цзян Гуй — главарь, хваставшийся своими злодеяниями. Выбрав гору Фуху как «землю с хорошим фэншуй», он не ожидал, что дела пойдут так плохо.

Гао Линь нетерпеливо рявкнул:

— Выводи её, тварь!

Цзян Гуй жестом приказал подчинённым, и вскоре появилась девушка в красном — Чэн Суюэ.

Привыкшая к военному лагерю, она уже устала притворяться скромницей. Увидев принца и названного брата, она сразу вернула себе боевой дух:

— Братец...

Но стоило ее взгляду упасть на Лю Сяньаня, как вдруг она опустила рукава, выпрямилась и даже смягчила голос.

Оказывается, быть леди она всё-таки могла. Вопрос был в том, кто стоял перед ней.

Гао Линь был поражён этой метаморфозой.

— В-ваши сиятельства... — заикаясь, проговорил Цзян Гуй. — Мы не распознали великую гору Тайшань и обидели госпожу. Теперь мы возвращаем её. Может, на этом закончим?

— Говори, — сказал Лян Шу.

— Говорить?.. — Цзян Гуй не понял. О чём ещё говорить?

Но принц обращался не к нему.

Чэн Суюэ выступила вперёд:

— Ваша светлость, в этом доме много старых вещей, связанных с делом чиновника Тана.

Услышав «ваша светлость», Цзян Гуй чуть не лишился чувств. В его возрасте и положении был только один принц, известный своей жестокостью.

Лю Сяньань тоже слышал о деле Тана. Тан Сяочжун был чиновником при покойном императоре. Тринадцать лет назад он вёз золото и зерно для помощи югу, но был ограблен.

Император в гневе бросил его в тюрьму. В дождливую ночь гвардейцы пришли арестовать его, но нашли лишь трупы во дворе. Кровь текла по ступеням, окрашивая улицу в красный цвет - словно адские врата распахнулись.

Этот случай так и остался нераскрытым.

<http://bllate.org/book/14628/1297849>